
К.Н. Леонтьев и И.И. Фудель: к вопросу о преемственности

© 2019 г. Н.В. Винюкова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, 119991, Ленинские горы, д. 1; Телеканал «Культура», Москва, 115162, ул. Шаболовка, д. 37.

E-mail: nadinvin1@yandex.ru

Поступила 20.12.2019

В статье рассматриваются взаимоотношения и взгляды философа К.Н. Леонтьева и священника И.И. Фуделя, вошедшего в историографию как «леонтьевец». Автор доказывает, что отношения эти были глубоки и многогранны, но отнюдь не линейны. Знакомство с Леонтьевым стало одним из знаковых событий в жизни отца Иосифа, привело его в Оптину пустынь, укрепило на православной почве; при содействии старшего друга Фудель достиг своей заветной мечты – приблизиться к народу, став священником. Однако степень влияния Леонтьева на мировоззрение Фуделя не должна переоцениваться. Это становится ясно из контекста жизни Фуделя: еще до знакомства с Леонтьевым он выступал с идеей «православного народничества», которая наполняла и всю его дальнейшую пастырскую и общественную деятельность. Леонтьев, в отличие от Фуделя, принципиально не признавал Ф.М. Достоевского, а Фуделю не был близок «византизм» Леонтьева. Хотя Фудель и стал издателем собрания сочинений Леонтьева, основной круг проблем в их публицистике не совпадал. Фудель был чужд политических тем, он был прежде всего деятелем, а не мыслителем, и в Леонтьеве более всего ценил значимость для приближения интеллигенции к Церкви (одна из центральных тем Фуделя). Автор полагает, что в этом случае можно говорить скорее о влиянии, нежели о преемственности идей. «Ученичество» здесь носило специфический, духовный характер.

Ключевые слова: К.Н. Леонтьев, византизм, И.И. Фудель, Церковь, русская философия.

DOI: 10.31857/S004287440006327-4

Цитирование: *Винюкова Н.В.* К.Н. Леонтьев и И.И. Фудель: к вопросу о преемственности // Вопросы философии. 2019. № 9. С. 150–161.

K. N. Leontiev and I. I. Fudel: the Question of Continuity

© 2019 г. Nadezda V. Vinyukova

Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation; TV channel "Culture", 37, Shabolovka str., Moscow, 115162, Russian Federation.

E-mail: nadinvin1@yandex.ru

Received 20.12.2019

The article investigates the relationship and views of the philosopher K. N. Leontiev and the priest J. I. Fudel, known in the historiography as his "disciple". The author argues that these relations were deep and multi-faceted, but not linear. Indeed, familiarity with Leontiev was one of the most significant events in the life of father Joseph: it brought him to the Optina Hermitage, strengthened on the Orthodox ground; with the assistance of an older friend Fudel achieved his cherished dream to get closer to the people by becoming a priest. However, the extent of Leontiev's influence on outlook of Fudel must not be overestimated. This becomes clear in the context of the life of Fudel: before Leontiev Fudel promoted the idea of the "Orthodox Narodnichestvo" which also inspired his further extensive pastoral and social activity. Leontiev, in contrast to Fudel, did not recognize Feodor Dostoevsky in principle, meanwhile Fudel wasn't close to "Byzantinism". Although Fudel became the first publisher of the writings of Leontiev, the main range of issues in their journalism did not match. He avoided political themes, was rather a doer, than a thinker, and appreciated Leontiev mostly for his importance in returning of intelligentsia to the Church (one of the central themes for Fudel). In that way we can speak about ideological influence but not continuity. "Discipleship" here was very specific and spiritual in its nature.

Key words: Konstantin N. Leontiev, Byzantinism, Joseph I. Fudel, the Church, Russian philosophy.

DOI: 10.31857/S004287440006327-4

Citation: Vinyukova. Nadezda V. (2019) 'K. N. Leontiev and I. I. Fudel: the Question of Continuity', *Voprosy Filosofii*, Vol. 9. (2019). pp. 150–161.

К.Н. Леонтьев – фигура «парадоксальная», потому и чрезвычайно мифологизированная [Козырев 1995, 417]. Различные интерпретации Леонтьева препятствуют исследованию и оценке не только этого мыслителя, но и его окружения. Яркий тому пример – Иосиф Иванович Фудель, близкий друг К.Н. Леонтьева, впоследствии известный московский священник и первый издатель собрания сочинений К.Н. Леонтьева, вошедший в историографию как «леонтьевец». Восприятие и оценка его личности усложняется тем, что фигурирует он в основном в литературе о К.Н. Леонтьеве, где наделен определением «ученик»: это слово включено и в заглавие книги О.Л. Фетисенко «Гептастилисты: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики» (причем под ближайшим из них подразумевается Иосиф Фудель) [Фетисенко 2012⁶].

Представляется, что, взглянув на эти взаимоотношения со стороны И. Фуделя, мы получим более сложную картину, не вполне вписывающуюся в линейную характеристику «учитель – ученик». Выяснить, какие отношения связывали Фуделя и Леонтьева в действительности, нам поможет обширная переписка, а также публицистика.

Их знакомство отсчитывается с декабря 1887 г., когда 23 летний студент-юрист Московского университета представил на суд маститого публициста свой первый отделенно изданный литературный опыт – «Письма о современной молодежи и направлениях общественной мысли». По скромности, сделано это было через однокурсника

Н.А. Уманова, молодого друга К.Н. Леонтьева (который и открыл его для Фуделя, предложив к тому же свое посредничество). «Мне его брошюрка нравится, как молодой зеленый березник; строиться из него еще нельзя, а для хорошей метлы, сметать нигилизм очень годится, *Suum cuique*. Пойдет прямо — и на постройку будет хорош», — отозвался Леонтьев Уманову в марте 1888 г., но с опасением: «Благородны мысли Фуделя, напр., и книжка его очень симпатична. Но содержит ли он сам поэты? Слышится ли Церкви? Если нет, и если он при этом покоен совестью, то Боже избави нас от таких народных учителей» [Леонтьев 1914, 286–287].

«Фудель действительно молодец; человек смелый, твердый и с ясным умом. — Я недавно еще перечитал его книжку о молодежи. — Много там хорошего. — Надеяться только на „любовь“ в русской общине не надо; нужно *проповедовать* любовь, ибо ее очень мало; но не надо ее *прогорчить*; — чтобы без пользы не разочароваться горько. — Это благородные бредни Аксакова, Достоевского, О. Миллера и т. д. *Особенно* этот „Мужик Марей“, помните. — Очень это мило; но и очень *мало*» [Фетисенко 2012^a, 32], — снова напишет Леонтьев Уманову уже через год, после личного знакомства с Фуделем.

Получив благоприятный отзыв, Фудель решил сам написать Леонтьеву: так, в апреле 1888 г., появилось первое большое и откровенное письмо, ставшее началом обстоятельной переписки (до нас дошло порядка 135 писем) и впоследствии — крепкой дружбы. Продлилась она менее 4 лет, оборвавшись смертью Леонтьева в ноябре 1891 г. и навсегда оставшись для Фуделя одним из самых глубоких и дорогих переживаний. В течение этих лет состоялось четыре продолжительные личные встречи (Фудель приезжал к Леонтьеву в Оптину, виделись они и в Москве). За последующие 27 лет своей жизни он отдал немало сил на увековечение памяти своего старшего друга, занимаясь изданием его сочинений и посвятив ему несколько статей.

Последние обстоятельства сильно сказались на формировании образа Фуделя в столь немногой литературе о нем. Так, С.М. Половинкин в энциклопедии «Русская философия» сообщает, что И. Фудель «...в 1887 г. познакомился с К. Н. Леонтьевым, под влиянием которого перешел в православие» [Половинкин 2007, 568], что противоречит действительности. Крещеный во младенчестве, Фудель сознательно обратился к Православию как минимум за два года до знакомства с Леонтьевым [Переписка 2012, 63]; в первом же письме к Леонтьеву Фудель писал: «Я пощусь, говею, по монастырям люблю ходить, не потому, что «надо-де исполнить обряд», а потому, что глубоко верую в эту сторону религии и не отделяю в религии моральную сторону от мистической. Но таким я (признаюсь) стал недавно и не более двух лет тому назад; да и вообще я молодой Православный, ибо обратился к Православию тоже не более 4 лет тому назад» [Там же]. Высказывая такое суждение, С.М. Половинкин явно не был знаком со свидетельством о крещении Фуделя (6 января 1865 г.) [ЦГА Москвы], с содержанием, пожалуй, наиболее известной его работы, «Писем о современной молодежи и направлениях общественной мысли», в которой автор стоит на славянофильских позициях и призывает интеллигенцию к «православному народничеству», и, конечно, с эпистолярным наследием (еще не опубликованным до 2007 г.). Такая неосведомленность, определенно, позволила автору преувеличить влияние Леонтьева.

Исследователям жизни и творчества Леонтьева свойственно стремление связать Фуделя с Леонтьевым прочными «идейными» узами. Показательно, что такой крупный леонтьевед как О.Л. Фетисенко, подготовившая замечательную публикацию архивных материалов, посвященных взаимоотношениям Леонтьева и Фуделя [Переписка 2012], в своей монографии утверждает: «Ясно, что для Фуделя встреча с Леонтьевым определила весь дальнейший ход его жизни» [Фетисенко 2012^a, 52]. Представляется, что этот тезис нуждается в некоторых уточнениях. Особенно это касается степени влияния Леонтьева на Фуделя.

Действительно — неизвестно, состоялось бы рукоположение Фуделя, если бы не содействие К.Н. Леонтьева. В то же время, в письме 1918 г. к С.Н. Дурьлину («Мое знакомство с К. Леонтьевым») Фудель вспоминал: «Самая мысль о священстве возникла в моей душе совершенно самостоятельно задолго до знакомства с Леонтьевым.

Эта мысль явилась у меня, когда я писал последнюю главу своих «Писем о современной молодежи» в 1887 г. Я звал молодежь на служение народу, главным образом на поприще сельского учительства, и вот в это время блеснула мысль: «А почему же не в священном сане? Ведь это еще ближе к народу». Но это мне казалось не только дерзким желанием, но и не возможным в практическом осуществлении, ибо сам я тогда не знал precedентов принятия священства светскими людьми. И вот эту заветную мысль я высказал Леонтьеву» [Фудель 2012^а, 454–455]. Отсюда ясно, что направление развития Фуделя было задано ранее.

В том же письме Дурылину Фудель отмечал, что его взгляды в 1887 г. «...были почти установившиеся, по крайней мере в основах; в политических и культурных вопросах я был безусловный последователь Хомякова и Аксаковых, в вопросах религиозных был уже православно-верующим (отчасти под влиянием тех же славянофилов), но с оттенком расплывчатой морали под влиянием Достоевского, просто еще не хватало знаний и религиозного опыта». Правда, тут же он добавил: «Останавливаюсь на этих подробностях потому, что впоследствии именно эти недостаточно ортодоксальные взгляды мои побудили К. Леонтьева вступить со мной в переписку, имевшую для меня такое решающее в жизни значение» [Фудель 2012^а, 437]. Можно признать, что Леонтьев, воспитанник Оптиных старцев, с сильной внутренней «мушишкой верой» [Говоруха-Отрок 1891, 2–3], способствовал становлению Фуделя на ортодоксальную почву.

Конечно, Леонтьев существенно помог Фуделю и словом, и делом осуществить заветную мечту — «приблизиться к народу», став «отцом Иосифом». Общение с ним отрезвило юношеский оптимизм, послужило мощным импульсом к дальнейшему развитию мировоззрения. Но едва ли можно говорить о том, что их встреча предопределила всю последующую судьбу Фуделя в содержательном плане. Дальнейшая жизнь Фуделя была до краев наполнена социальной деятельностью, он много работал по разным практическим направлениям (миссионерство, народное образование, приходской и тюремный вопросы), а главным его делом всегда было широко понимаемое им пастырское служение. Утверждения о том, что вся вторая половина жизни Фуделя «...была посвящена идее служения памяти Леонтьева» [Фетисенко 2012^б, 638], что Леонтьев «...жил в каждодневном священническом труде о. Иосифа Фуделя» [Козырев 1995, 434–435], на наш взгляд, отражают восприятие исключительно через «призму» Леонтьева.

Сын Фуделя, Сергей Иосифович Фудель, вспоминал, что в предвоенные годы отец «...много времени отдает изданию собраний сочинений Леонтьева, но это больше долг благодарного ученика, чем творческое дело сердца. Сердце он отдает теперь <...> приходским бедным» [Фудель 2016, 53]. При анализе того, что занимало Фуделя в то время, действительно, складывается впечатление, что издательство было некоторого рода посмертным послушанием духовно близкого человека. Примечательно, что сын идейно причислял отца Иосифа скорее к славянофилам, чем к Леонтьеву. Однако О.Л. Фетисенко, обращаясь к этому вопросу, оценке Сергея Фуделя не доверяет: «О. Иосиф, конечно, и сам однажды признался, что любовь к покойному не обязывает непременно «подчиняться всем его убеждениям», но все же думается, что Сергей Иосифович (убежденный антилеонтьевец) приписывал отцу часть своих мыслей» [Фетисенко 2012^б, 644].

Помимо признания И. Фуделя (из письма С.А. Рачинскому), Ольга Леонидовна приводит и ряд весьма любопытных критических высказываний Фуделя, найденных в неопубликованных материалах недописанной им книги, посвященной Леонтьеву: замечания о его «гордой, своенравной» натуре, о «самонадеянности», о том, что «...свои личные вкусы и симпатии — он возводит в теорию, которой поклоняется и которую всем навязывает, <...> свою природную раздвоенность он вносит во все, особенно в христианство» [Фетисенко 2012^б, 645]. Подобные суждения не принимаются автором во внимание, поскольку эти мысли никогда не предавались печати и не являлись «окончательной оценкой» [Там же]. На наш взгляд, они, напротив, служат еще одним аргументом в пользу неоднозначности оценки Фуделя как «леонтьевца».

Действительно, высказывать такого рода критику в печати он себе не позволял. Но незавершенность неопубликованной книги скорее говорит не только о материальных, но и о нравственных, этических и др. причинах, нежели дает повод подозревать Фуделя в неискренности или незрелости оценок. Кроме того, в опубликованных материалах о Леонтьеве заметно осторожное и снисходительное отношение Фуделя к его идеям (не говоря о разногласиях, прослеживаемых в переписке и во взглядах вообще).

Что касается позиции Сергея Фуделя — известно, что он был близок со своим отцом, и, вероятно, имел о нем более цельное представление, нежели, например, С. Дурылин, заинтересованный в И. Фуделе главным образом как в хранителе памяти о К. Леонтьеве [Резвых 2012, 283]. После настойчивых просьб Дурылин получил развернутый образ горячо любимого отцом Иосифом человека. Но заключать из него, что вся жизнь Фуделя сводилась к Леонтьеву, невозможно. И говорить, и писать о Леонтьеве Фуделю было, явно, тяжело. Неслучайно задуманную еще в 1892 г. книгу «Константин Леонтьев. Жизнь, личность, творчество. Опыт характеристики» он так и не написал, сохранились лишь ее наброски [Фетисенко 2012^a, 43].

Сам Леонтьев относился к Фуделю с поразительной теплотой и надеждой, высоко его ценил и очень беспокоился о возможности расхождений между ними. Очень показательно это его признание в последний год жизни: «На вас — моя главная надежда! И пожалуй, что ни на кого больше! Не дай мне Бог дожить до какого-нибудь между нами охлаждения или разрыва!» [Переписка 2012, 261–262]. В переписке не раз он выражал восхищение «даровитостью» и «аккуратностью» «православного немца», подчеркивал свою веру в него («В вас-то, наконец, я с этой стороны нашел идеал друга» [Там же, 168], «Вы в 25–26 лет уже имеете более имени (в публицистике), чем я имел его в 40!» [Там же, 247]. «Я в Вас очень теперь нуждаюсь — нравственно. — И если Вы, оперившись теперь сами, уже менее прежнего обо мне помните умом и сердцем, то я-то зато — наоборот: чем Вы зреее, тем более добра может сделать свидание с Вами» [Там же, 199]). Конечно, сама личность Константина Леонтьева и такое его «отчески-дружеское» (по определению Фуделя) отношение вселяли силы и вдохновение, вызвали взаимные чувства его корреспондента.

Познакомившись с Леонтьевым, Фудель открыл для себя мир не занимавших его ранее идей. Погрузившись в него, он искренне сражался за Леонтьева в печати. Несомненно, Леонтьев оказал влияние на политические воззрения молодого Фуделя — это касается «восточного вопроса», особого понимания «национального движения», отсутствия надежд на молодые балканские страны (без принятия концепции «византизма»).

Критическое восприятие Западной Европы Фудель во многом наследовал от славнофилов и Достоевского, что прослеживается еще в «Письмах о современной молодежи» (до знакомства с Леонтьевым). Ни Леонтьев, ни Фудель не принимали славнофильство безоговорочно, но последний симпатизировал ему гораздо более.

Совпадала их позиция относительно необходимости сословной структуры общества. Однако основа этих взглядов различалась — во главе угла для Леонтьева стояла эстетика, недопустимость «всесмешения», тогда как для Фуделя сословность составляла часть фундамента государства, которое, в свою очередь, необходимо для существования Церкви и, соответственно, реализации нравственно-культурного идеала [Там же, 291].

Между ними существовали разногласия в оценках ряда современников. В этой связи интересно противоречивое отношение обоих друзей к Владимиру Соловьеву. В начале 1890-х гг. Фудель не разделял всепрощающих симпатий К. Леонтьева к Соловьеву. Став священником, он уже не мог воспринимать его как прежде: «Теперь я не могу относиться к нему иначе как к еретiku. Могу о нем сожалеть, могу даже любить, как заблудшую овцу, но и обязан бороться с ним всеми силами, поскольку он вносит в Церковь ересь и смещение. Это с богословской стороны. А с нравственной — В. Соловьев ужасно много теряет в глазах всех благородных людей своими некрасивыми поступками в публицистике» [Там же, 258]. Позднее, в 1890-х, «...совершенно ясно определился перелом во взглядах Вл. Соловьева» [Фудель 1995, 404], а значит, и смягчилась оценка Фуделя [Дурылин 2006, 396].

В переписке друзей Соловьеву было уделено так много места, как никому другому из мыслителей. Особенно усердствовал Леонтьев: учение В. Соловьева, «...впервые в России осмелившегося хвалить Рим», для него «...есть прекрасный противовес — морально-протестантским симпатиям славянофилов» [Переписка 2012, 91]. Разумеется, в письмах к Фуделю он высказывался о Соловьеве и критически: «Я сам ужасно недоволен им за последние 3 года. — То есть с тех пор, как он вдался в эту ожесточенную и часто действительно недобросовестную полемику против славянофильства. — Недоволен самим направлением; недоволен злорадным и ядовитым тоном; несомненной наглостью подтасовок. — Не согласен даже с тем, что — Соединению Церкви так сильно может мешать своеобразное, национальное развитие России, как он думает» [Там же, 265].

Такие недостатки сильно тревожили Леонтьева. Но вся эта критика смягчалась снисхождением к личности и «гению» Соловьева. Леонтьев надеялся, что брошенные Соловьевым семена «...начнут приносить обильную жатву (*реальными и здоровыми* сторонами учения)», и вопрошал, не простят ли тогда ему «...все его *извороты*, или его *мечтательные бредни*?» [Там же, 270]. К слову, незадолго до смерти Леонтьев испытал болезненное разочарование в Соловьеве под воздействием полемики, разыгравшейся в «Московских Ведомостях» вокруг его реферата «Об упадке средневекового мирозерцания» (читанного в заседании Московского психологического общества 19 октября 1891 г.) и даже думал написать ему гневное письмо, но не успел: «Эти последние дни были решительно оравлены раздражением, дошедшим до озлобления, против человека, которого он так искренно любил, уважал и так высоко ставил. <...> Все это бурное и страстное негодование выливалось только в письмах к единомышленникам; самому Соловьеву Леонтьев не писал ни строчки, все ожидая появления реферата в печати, «...чтобы написать ему письмо, яко мытарю и язычнику». Но так и не дождался» [Фудель 1995, 399–400].

Между тем статью Соловьева на смерть Леонтьева Фудель считал наиболее точной среди каких-либо о нем написанных, а самого Соловьева — человеком, понявшим самую суть Леонтьева, его душу [Там же, 400–401]. Фудель, даже спустя почти четверть века после этой публикации, высказал свое полное одобрение выраженной в ней оценки: «Статья так продумана с начала до конца и так справедлива по существу выраженного взгляда на умственную деятельность Леонтьева, что до сих пор она, по моему мнению, является лучшею из всего, что написано о Леонтьеве. <...> Указав на *коренной недостаток* (выделено мной. — *Н.В.*) в проповеди Леонтьева, Соловьев считает долгом справедливости упомянуть и о том, что у него было существенно хорошего» [Там же, 400]. Такая позиция говорит о многом, учитывая, что, например, Ю.Н. Говоруха-Отрок и И.Л. Леонтьев-Щеглов об этой статье высказывались крайне негативно [Фетисенко 2012⁶, 370].

В чем же заключался этот «коренной недостаток» проповеди Леонтьева, с которым был согласен Фудель? Для ответа на этот вопрос обратимся к статье Соловьева. Подробно разбирая сущность леонтьевского «византизма», он писал: «В этой политической философии религиозный элемент, очевидно, не имел того безусловного значения и не занимал того центрального места, какое принадлежало ему в личном чувстве автора, половину жизни мечтавшего о монашестве и осуществившего эту мечту незадолго до своей смерти. Такое раздвоение между простою субъективною религиозностью и объективным культурным идеалом смешанного характера с преобладанием мирских элементов отнимало всю силу у проповеди Леонтьева. <...> Истинный идеал должен относиться к тому, что вечно. Но вечно для нас, по мнению Леонтьева, только личное существование за гробом, а оно ведь несколько не связано ни с какими культурными элементами — политическими, экономическими или художественными. Спасать свою душу можно при всяких условиях, и для того, кто этим занят, такие вопросы, как взятие Царьграда, возрождение русского дворянства и основание новой охранительной цивилизации, совершенно не нужны и не интересны. <...> Но проповедуемый Леонтьевым идеал сложной принудительной организации общества не имеет ни вечного достоинства, ни минутной приятности. О нем можно

рассуждать с точки зрения исторических вероятностей, но жить и умирать ради него решительно невозможно. Сам Леонтьев, конечно, забыл о нем, когда как искренно верующий христианин готовился к смерти» [Соловьев 1995, 24–25].

Из согласия Фуделя с такой оценкой, мы вполне можем заключить, что он признал несостоятельность «византизма» (пожалуй, центральную идею леонтьевской историософии). Вопрос о полноценном идейном преемстве, при таком выводе снимается. Теперь становится понятным, что Фудель подразумевал под «крайностями» Леонтьева и почему он еще в 1890 г. говорил, что нельзя «...видеть у Вл. Соловьева одни только «папешские стремления», а у К. Леонтьева один только «византизм» и, из-за их увлечений, презрительно относиться ко всему, ими написанному» [Фудель 2012^г, 357].

Учитывая различие направлений и литературных судеб Соловьева и Леонтьева, в 1917 г. Фудель даже счел возможным сравнить пути этих писателей и обнаружил в них общие точки: «Оба к концу жизни глубоко разочаровались не в своем идеале, а в возможности его достижения, его реализации здесь. <...> Оба были утописты, искавшие только точку опоры, чтобы своим рычагом повернуть ход мировой истории. <...> Оба выросли из одной почвы, имели общие корни в нашем славянофильстве. Пути их были совершенно различны до противоположности, но кончили оба одним и тем же: сознанием, что всемирная история уже кончилась и что единственно, что важно теперь каждому из нас, — это «чаще быть ближе к Господу, если возможно, всегда быть с Ним», как сказал незадолго до своей смерти Соловьев, или «прочее время живота нашего в мире и покаянии скончати», как неоднократно повторял К. Леонтьев. Оба они в своих взглядах были совершенно самобытны, независимы, внепартийны, но в средствах выражения этих взглядов были связаны один с либеральными, другой с консервативными органами печати совершенно случайно и неестественно. Оба обладали даром художественного прозрения, доходившего до пророческого ясновидения: и сколько предвидений этих мыслителей уже исполнилось! Особенно это надо сказать о Леонтьеве. Наконец, оба были лично религиозными людьми, «мистиками», как иногда иронически говорят люди противного склада мышления» [Фудель 1995, 407–408]. По мнению Фуделя, отношения двух мыслителей явили собой «...трогательный и редкий пример сердечного влечения друг к другу людей не только не единомысленных, а совершенно несходных даже до противоположности» [Там же, 401].

Если расхождения Фуделя и Леонтьева во взгляде на Соловьева в их переписке во многом обусловливались влиянием «личного фактора», то взгляды на Льва Толстого развились скорее по причине ярко выраженного эстетического чувства Леонтьева. Фудель вспоминал об этом следующее: «К Л. Толстому-художнику у него была слабость, и ради этого он снисходительно-мягко относился к Толстому-философу последнего периода его жизни. Я ни разу не слышал от него грубых выражений по адресу Л. Толстого или «ярости» по поводу его противцерковных мнений, как это бывало всякий раз, когда Леонтьев громил мещанскую, безбожную хамскую «Европу». Рассказывал он мне, как Л. Толстой посетил его, когда был в Оптиной у о. Амвросия. «Говорили мы с ним часа два, но спокойно говорили; впрочем, Толстой несколько горячился, когда касались церкви и Православия. И закончил он свои доводы словами: вот я пью воду Евангелия прямо, непосредственно, а вы ее пьете через фильтр, который держит в руках поп или грязный монах». Так передавал мне Константин Николаевич, и лицо его при этом сделалось грустным, задумчивым. Он «жалел» великого писателя» [Фудель 2012^а, 460]. Такую же «слабость» Леонтьев испытывал и к А.И. Герцену: «Это был его любимый писатель в молодые годы. И тогда он ценил не революционные его выходки, не критику русского строя, не «Колокол», а его беспощадную критику среднего мещанства Европы, ее «буржуиности», выражаясь современным языком» [Там же].

Одним из ярких примеров, обнажающих важную несовпадающую грань мировоззрений двух друзей, является полярно противоположное восприятие ими творчества Ф.М. Достоевского. Юного Фуделя, как и многих других его современников [Фетисенко 2010], прочтение «Пушкинской речи» привело к повороту в сознании и послужило началом прихода к вере. Эта речь стала лейтмотивом его «Писем о современной

молодежи». В других своих брошюрах Фудель также не раз прибегал к этому писателю [Фудель 1904]. Направление Достоевского, его «народничество» (несвойственное Леонтьеву) определено было созвучно идеям и устремлениям Фуделя.

Хорошо известно, что разоблачению «розового христианства» Достоевского Леонтьев посвятил не одну статью. Его отношение к «Пушкинской речи» было резко критическим, в ней он почувствовал «мало истинно религиозного — гораздо меньше, чем в романе «Братья Карамазовы», и называл ее «...космополитической, весьма обычной по духу в России выходкой» на празднестве, устроенном всецело по-европейски [Леонтьев 1912, 213]. В проповеди Достоевского он видел исключительно слабую и внецерковную мораль: любовь — без страха Божия, личность — без формы, Евангелие — без Церкви; «...ему еще нужно бы учиться (просто у духовства), а он спешил учиться!» [Там же, 214]. «Пушкинская речь» разделила Леонтьева и Достоевского навсегда. Фудель подчеркивал противоположность взглядов, проповеди и стиля Достоевского эстетическим представлениям Леонтьева, откуда и проистекало непонимание его творчества: «Его (Достоевского. — *Н.В.*) он положительно не переносил. Романов его он не любил и художественное творчество не понимал. <...> Для Леонтьева же все герои Достоевского были только сумасшедшие или же хамы» [Фудель 2012^a, 459–460].

Особенно показателен тот факт, что после смерти Леонтьева в печати, где Фудель выступал уже не как философствующий интеллигент, а как христианский проповедник, он практически никогда имя Леонтьева не упоминал (за исключением статей, прямо посвященных его памяти), зато отсылал читателя к любимому им Ф.М. Достоевскому, к ранним славянофилам, С.А. Рачинскому, даже к В. Соловьеву [Фудель 1894, Фудель 1897, Фудель 1902, Фудель 1904]. Издание сочинений Леонтьева шло как-то особняком от остальной деятельности. Можно заметить, что в публицистике Фуделя шли параллельно две линии — проповедническая «неославянофильская» (истоки которой заметны еще в «Письмах») и леонтьевская (посвященная его популяризации).

Важно и то, что в последующие годы Фудель старался обходить стороной политические темы, отдалился он и от сферы общественной мысли, так и не написав работы ни о славянофилах, ни о Леонтьеве. Главный его интерес всегда лежал в плоскости проблем религиозно-нравственных. Ожидания юности, увы, будут перемолоты временем, несущим совсем другие идеалы: «Торжество «хама» во всех областях жизни такое полное, стремление к демократизации у всех такое бессознательно-бешеное, а самое «уравнение» и «всеобщее смешение» идет такими гигантскими шагами, что, если бы теперь К. Леонтьев встал из гроба, он ничего не сказал бы, а только махнул бы рукой и опять лег в могилу», — отмечал Фудель в 1910 г. [Фудель 2012^a, 373]. Но и пережив тяжелые разочарования («Святая Русь» рухнула изнутри, сама перестала быть собой», — писал отец Иосиф [ДРЗ, Семейный фонд Фуделей]), он останется верен «религиозному идеалу».

И Фудель, и Леонтьев — это вернувшиеся в Церковь интеллигенты (причем обращение Фуделя произошло в юном возрасте). Однако дальнейшее развитие и характер их приверженности к Церкви разнились. В основе миропонимания Леонтьева лежала «эстетика жизни», в ней сплетались узлы его противоречий, к ней сходились его и политические, и религиозные воззрения. Замечательно, что жизнь в монастыре отвечала не только его религиозным потребностям, но и эстетическим: «На Афоне и в Оптиной он находил несравненно больше поэзии и красоты, чем в современном буржуазном обществе», — писал Фудель [Фудель 2012^b, 372]. Многогранность Леонтьева он хорошо объяснил в одной из статей о нем: «...защита им сословного строя государства вытекает необходимо из эстетического принципа, приложенного к государственной жизни»; крепость государства необходима «...для развития красоты жизни, потому что "...государственная сила есть скрытый железный остов, на котором великий художник — история лепит изящные и могучие формы культурной человеческой жизни"» [Там же, 369].

Принять такой взгляд Фудель не мог. Еще не будучи священником, он изложил Леонтьеву свои существенные возражения на этот счет, которые не смягчились в

течение всей жизни: «Эстетический принцип предполагает непременно более или менее сильное развитие демонических начал, ибо главным образом эстетично то, что чувственно, а это в свою очередь греховно... Я сам лично не выбираю между эстетикой и моралью и раздвоений в моем существе нет и не было. — Точно также не выбираю я и между эстетикой и религией. <...> Я свой общественный идеал строю на религиозном принципе» [Переписка 2012, 110–111].

В своих статьях о Леонтьеве, даже еще при его жизни, Фудель не раз говорил о присущих ему «крайностях» и «парадоксах». Важно и то, что Фудель вообще не считал Леонтьева философом, для него он главным образом «художник мысли» (такое определение нравилось и самому мыслителю). Леонтьев «...не публицист в прямом смысле этого слова, ни тем менее философ; напрасно мы стали бы искать в его сочинениях какой-либо системы» [Фудель 2012^б, 362].

У Фуделя не было согласия с Леонтьевым касательно богословских вопросов [Переписка 2012, 296]. Однако вот как он прокомментировал диссертацию К. Аггеева о богословских взглядах Леонтьева (в которой, в частности, заключается, что «...Христа нет в его системе» [Аггеев 1909, 298]): Константин Николаевич Леонтьев, мысливший всегда как художник, образами, свято оберегавший простоту своей церковной веры, чтоб она была такая же, как у всякого послушника, как у любой козельской мешанки, боявшейся иметь свое мнение в этой области и поэтому смирявшей свой ум до принципа: «credo, quia absurdum», и этот человек — богослов, и у него «система», «доктрина»! Тогда еще с большим основанием можно говорить о богословской системе Гоголя и Достоевского» [Фудель 2012^а, 374].

Важнейшую заслугу Леонтьева Фудель видел именно в его значимости для приближения интеллигенции к Церкви, ведь к ней Леонтьев был ближе, чем «...славянофилы, <...> Достоевский и многие другие, которых неизвестно даже, к какому вероисповеданию причислить» [Фудель 2012^б, 359]. «Около него был всегда кружок молодежи, искренно любившей его и сердечно привязанной к нему; многие из этого кружка обязаны К.Н. Леонтьеву своим духовным возрождением и началом своего христианского воспитания. Мы говорим началом, потому что дело К.Н. Леонтьева было только возбудить в человеке желание уверовать, узнать учение Церкви, полюбить Церковь; за дальнейшим он уж отсылал своего ученика к Оптинским старцам, или если нельзя было, то просто к хорошему священнику или монаху. Мы уверены, что ученики К.Н. Леонтьева, так многим ему обязанные, будут продолжать *эту сторону его деятельности* (выделено мной. — *Н.В.*) и тем приумножат то добро, какое сделал К. Н. Леонтьев», — писал Фудель, очевидно, имея в виду и себя [Там же, 359]. И отсюда становится ясным, что речь идет о главном, к чему призывал Фудель, и за что он более всего ценил Леонтьева — о содействии христианскому воспитанию личности.

Таким образом, с момента знакомства большое значение для Фуделя имели продвижение и защита идей Леонтьева (причем не политического, а культурно-религиозного характера), после его смерти — им двигало стремление к сохранению памяти о Леонтьеве — как мыслителе и художнике (на протяжении с 1895 до 1910 гг. Фудель статей о Леонтьеве не публиковал, но занимался изданием его произведений).

«Миросозерцание К. Леонтьева, как мыслителя и художника, неотделимо от его личности. <...> Вряд ли можно указать иного писателя, более субъективного, чем К. Леонтьев», — писал Фудель в предисловии к собранию сочинений мыслителя [Фудель 2012^с, 390]. Подчеркиваемый им субъективизм писателя говорит о том, что разделять его мировоззрение практически невозможно, но его можно понимать: «Внимательное знакомство с произведениями этого гениального человека вводит невольно в такие уголки его души, где читатель уже разгадывает кажущуюся парадоксальность его мысли и понимает умом (если даже сердце протестует) всю необходимую последовательность и внутреннюю логичность его выводов» [Там же]. Этот личный, «гениальный» субъективизм унаследовать невозможно — но его можно доносить, к чему и призвана издательская деятельность.

Можно заметить, что для молодого Фуделя сначала была характерна особая увлеченность, углубленность в леонтьевские мысли, которые прояснились им в личной

переписке. Но со временем он сохранил лишь христианскую идею и апокалиптическое настроение. Дальнейшая его публицистика содержательно имела иное наполнение. Несмотря на кажущееся единомыслие, главный круг проблем у Фуделя и Леонтьева не совпадал.

Фудель искал у Леонтьева подтверждения своим ответам на «проклятые вопросы», а также — «христианского просвещения». И это последнее Фудель действительно почерпнул в общении с Леонтьевым и укрепился на своем пути. Леонтьев был для него в первую очередь христианином. На межличностном уровне Фудель встретил отеческое отношение со стороны Леонтьева и отвечал ему искренней взаимностью. Леонтьев значительно помог Фуделю в его личном устройении: и продвигая его в публицистике и, главное, поспособствовал совершению решающего в его судьбе события — посвящению в священнический сан. Этой помощи Фудель был безмерно благодарен всю жизнь.

Многогранность взаимоотношений Фуделя и Леонтьева не может исчерпываться каким-либо одним определением. Для Леонтьева Фудель был и почти сыном, и учеником, и другом, и духовным лицом («Отче и друже мой», — обращался мыслитель к молодому другу [Переписка 2012, 312]). Для Фуделя Леонтьев — глубокочтимый наставник, близкий друг, гениальный «художник мысли». Разноплановость, мозаичность, противоречивость воззрений Леонтьева, его субъективизм (свойственный всякому автору общественной мысли) не дают возможности установить однозначного идейного преемства, говорить о Фуделе как о «классическом» ученике Леонтьева, не создавшего стройной философской системы или школы. «Ученичество» здесь носило очень специфический, личный, духовный характер.

Источнику — Primary Sources

Аггеев 1909 — *Аггеев К.* Христианство и его отношение к благоустройству земной жизни. Опыт критического изучения и богословской оценки раскрытого К.Н. Леонтьевым понимания христианства. (Диссертация). Киев, 1909. [Agheev, Konstantin (1909) Christianity and its Relationship to the Improvement of Life on Earth. Experience of Critical Study and Theological Evaluation of the Expanded K. N. Leontiev's Understanding of Christianity (in Russian)].

Говоруха-Отрок 1891 — *Говоруха-Отрок Ю.Н.* Несколько слов по поводу кончины К.Н. Леонтьева // Московские Ведомости. 1891. 13 ноября. № 314. С. 2–3. [Govorukha-Otrok, Yuri N. (1891) A Few Words on the Death of K. N. Leontiev (in Russian)].

ДРЗ Семейный фонд Фуделей — ДРЗ. Ф. 8. Семейный фонд Фуделей. Оп. 1. Д. 22. Л. 5.

Дурьлин 2006 — *Дурьлин С. Н.* В своем углу. М.: Молодая гвардия, 2006. [Durylin, Sergey N. (2006) In my corner. (in Russian)].

Леонтьев 1914 — *Леонтьев К.Н.* Письмо о вере, молитве, о немощах духовенства и о самом себе // Богословский вестник, Т. 1, № 2. 1914. С. 229–237. [Leontiev, Konstantin N. (1914) Letter about Faith, Prayer, the Infirmities of the Clergy and about Myself (in Russian)],

Леонтьев 1912 — *Леонтьев К.Н.* О всемирной любви (Речь Ф. М. Достоевского на пушкинском празднике) // Леонтьев К. Собр. соч. М.: Издание В. Саблина, 1912. Т. 8. С. 175–215. [Leontiev, Konstantin N. (1912) About the World Love (Dostoyevsky Speech at the Pushkin Festival ((in Russian)].

Переписка 2012 — Переписка К.Н. Леонтьева и И.И. Фуделя (1888-1891) // «Преемство отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания / Сост. О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2012. Кн. 1. С. 63–330.

Соловьев 1995 — *Соловьев В.С.* Памяти К. Леонтьева // К. Н. Леонтьев. Pro et contra. Антология. СПб.: РХГИ, 1995. Т. 1. С. 20–26. [Soloviev, Vladimir S. (1892) In Memory of K. N. Leontiev (in Russian)].

Фудель 1894 — *Фудель И. И.* Основы церковно-приходской жизни. М.: Университетская типография, Страстной бульвар, 1894. [Fudel, Joseph I. (1894) The Basics of Parish Life (in Russian)].

Фудель 1897 — *Фудель И. И.* Народное образование и школа. М.: Синод. тип., 1897. [Fudel, Joseph I. (1897) Public Education and School (in Russian)].

Фудель 1902 — *Фудель И. И.* Святая Русь. Речь при открытии Общеобразовательных чтений для рабочих г. Москвы. М.: Комис. по устройству общеобразоват. чтений для фаб.-зав. рабочих г. Москвы, 1902. [Fudel, Joseph I. (1902) Holy Russia. Speech at the Opening of Public Readings for the Workers of Moscow (in Russian)].

Фудель 1904 — *Фудель И. И.* Нравственно-культурное значение учительства: Речь на Съезде учителей зем. шк. Бронниц. уезда Моск. губ. М.: типо-лит. И. Ефимова, 1904. [Fudel, Joseph I. (1904) Moral and Cultural Value of Teaching (in Russian)].

Фудель 1995 – *Фудель И. И.* К. Леонтьев и Вл. Соловьев в их взаимных отношениях // К.Н. Леонтьев. Pro et contra. Антология. СПб.: РХГИ, 1995. С. 393–408. [Fudel, Joseph I. (1917) K. Leontiev and Vl. Soloviev in their Mutual Relations (in Russian)].

Фудель 2012^a – *Фудель И. И.* Мое знакомство с К. Леонтьевым (письмо С. Н. Дурылину) // «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания / Сост. О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2012. Кн. 1. С. 433–466. [Fudel, Joseph I. (2012) My Acquaintance with K. Leontiev (letter to S. N. Durylin) (in Russian)].

Фудель 2012^b – *Фудель И. И.* Культурный идеал К. Н. Леонтьева // «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания / Сост. О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2012. Кн. 1. С. 362–372. [Fudel, Joseph I. (1895) Cultural Ideal of K. Leontiev (in Russian)].

Фудель 2012^b – *Фудель И. И.* Памяти К.Н. Леонтьева // «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания / Сост. О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2012. Кн. 1. С. 359–361. [Fudel Joseph I. (1892) To The Memory Of K.N. Leontiev (in Russian)].

Фудель 2012^г – *Фудель И. И.* Преемство от «отцов» (Письмо к кормчому «Благовеста») // «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания / Сост. О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2012. Кн. 1. С. 356–358. [Fudel, Joseph I. (1890) The Succession from the "Fathers", (in Russian)].

Фудель 2012^а – *Фудель И. И.* Судьба К. Н. Леонтьева // «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания / Сост. О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2012. Кн. 1. С. 373–375. [Fudel Joseph I. (1910) The Fate Of The K. N. Leontiev (in Russian)].

Фудель 2012^с – *Фудель И. И.* К. Леонтьев // «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания / Сост. О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2012. Кн. 1. С. 387–391. [Fudel, Joseph I. (2012) K. Leontiev (in Russian)].

Фудель 2016 – *Фудель С.И.* Воспоминания. М.: Русский путь, 2016. [Fudel, Sergey I. (2016) Memories (in Russian)].

ЦГА Москвы – Свидетельство о крещении И.И. Фуделя // ЦГА Москвы. Ф. 418. Московский Императорский Университет. Оп. 297. Д. 619. Л. 3. [J.I. Fudel's Baptismal Certificate (in Russian)].

Ссылки

Козырев 1995 – *Козырев А. П.* Константин Леонтьев в «зеркалах» наследников // К.Н. Леонтьев. Pro et contra. Антология. СПб.: РХГИ, 1995. Т. 1. С. 417–435.

Половинкин 2007 – *Половинкин С.М.* Фудель Иосиф Иванович // Русская философия: Энциклопедия. Под общ. ред. М. А. Маслина. М.: Алгоритм, 2007. С. 568.

Резвых 2012 – *Резвых Т.Н.* «Я чувствовал себя как бы его внуком – через сына – через о. Иосифа...» (Отец Сергей Дурылин – исследователь творчества К. Н. Леонтьева) // Христианство и русская литература. СПб.: Наука, 2012. Сб. 7. С. 257–357.

Фетисенко 2010 – *Фетисенко О.Л.* Достоевский, «русские мальчики» и «православные немцы» («Годы учения» Иосифа Фуделя) // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 2010. С. 203–221.

Фетисенко 2012^a – *Фетисенко О.Л.* «Отче и друже мой»: отец Иосиф Фудель – друг, ученик и издатель К. Леонтьева // «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания. Сост. О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2012. Кн. 1. С. 5–67.

Фетисенко 2012^b – *Фетисенко О.Л.* Гептастилисты: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики: Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX – первой четверти XX века. СПб.: Пушкинский Дом, 2012.

References

Fetisenko, Olga L. (2012) "Father and Friend of Mine": Father Joseph Fudel – Friend, Disciple and Publisher of K. Leontiev, *"The Succession from the Fathers": Konstantin Leontiev and Joseph Fudel: Correspondence. Article. Memories*, Vladimir Dal, Saint-Petersburg (in Russian), pp. 5–67.

Fetisenko, Olga L. (2010) 'Dostoevsky, "Russian boys" and "Orthodox Germans" ("Years of teaching" of Joseph Fudel)', *Dostoevsky: Materials and studies*, Nauka, Saint-Petersburg (in Russian), pp. 203–221.

Fetisenko, Olga L. (2012) *"Heptastylists": Konstantin Leontiev, his intellectual friends and disciples. Ideas of Russian Conservatism in Literary-artistic and Publicist Practice in the Second Half of XIX – the First Quarter of the Twentieth Century*. Pushkin House, Saint-Petersburg (in Russian).

Kozyrev, Alexey P. (1995) 'Konstantin Leontiev in the "mirrors" of heirs', *K. N. Leontiev. Pro et contra. Anthology*, vol. 1, pp. 417–435, RHGI, Saint-Petersburg, (in Russian).

Polovinkin, Sergey M. (2007) Fudel Joseph I., *Russian philosophy: encyclopedia*, Ed. by M.A. Maslin, p. 568, Algoritm, Moscow (in Russian).

Rezvykh, Tatiana N. (2012) “I felt as if his grandson through the son – by father Joseph...” (Serge Durylin – a researcher of K.N. Leontiev)’, *Christianity and Russian literature*, Nauka, Saint-Petersburg (in Russian), pp. 257–357.

Сведения об авторе

ВИНЮКОВА Надежда Валерьевна – аспирантка МГУ им. М.В. Ломоносова, редактор исторической программы «Кто мы?» на телеканале «Культура».

Author's information

VINYUKOVA Nadezda V. – Postgraduate of Lomonosov Moscow State University, editor of the historical program "Who are we?" on TV channel "Culture".